

Гулюта Ю.В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ КОНЦА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ (ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС)

Автор данной статьи обращается к анализу феномена «конец истории». В рамках герменевтического направления история рассматривается как текст, подлежащий прочтению. В статье анализируются работы Х.Г. Гадамера, В. Дильтея, Р.Д. Коллингвуда, М. Хайдеггера, К. Ясперса.

Долгое время всемирная история мыслителями рассматривалась как онтологический свершившийся факт. И именно поэтому историю стали исследовать исключительно с исторической точки зрения, т. е. воспринимать ее как продукт определенных социально-культурных обстоятельств, как если бы они не имели никакого касательства к нам. Г. Гадамер неоднократно повторяет, что историю изучают, хотя важно не только ее изучать, но и прежде всего понимать.

При онтологическом подходе ко всемирно-историческому процессу и его концу философу важно понять сущность всемирно-исторического процесса. Иначе говоря, важно определить, что же такое история, что является ее ядром, двигателем, по каким законам она развивается и т. д. Философы-гносеологи ставят перед собой иную задачу. Для них проблема понимания, механизмы объяснения всемирной истории и ее конца намного актуальнее. При гносеологическом подходе мыслители ставят вопрос не о сущности самой истории, а о том, как история понимается, механизмы ее познания.

Герменевтическая версия конца всемирной истории представлена такими мыслителями, как Х.Г. Гадамер, В. Дильтей, Р.Д. Коллингвуд, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др. Можно сказать, что история в концепциях названных философов представляет собой социокультурный текст. А поскольку герменевтика – это искусство истолкования текста, то в данном русле можно отождествить конец истории с концом ее истолкования, понимания. История закончится тогда, когда текст всемирно-исторического процесса будет не только прочитан, но и, что не менее важно, понят.

Для того чтобы интерпретировать историю, разные мыслители говорили о разных основаниях для этого. Во-первых, это язык, во-вторых, – это психологическая составляющая интерпретатора, в-третьих, – это наличие креативного мышления (воображения).

Так, для М. Хайдеггера и Х.Г. Гадамера основанием постижения всемирной истории и ее конца является язык. М. Хайдеггер совмещает философию с языкознанием. Он пишет: «Человек – не только живое существо, обладающее... языком. Язык есть дом бытия, живя в котором, человек экзистует, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей» [3, с. 272]. Человек, по М. Хайдеггеру, не создает слово каждый раз, когда говорит: слово есть вестник бытия-времени, с помощью слова человек прислушивается к бытию. Язык способствует пониманию человеком своего бытия. Понимание содержит в себе возможность интерпретации, но интерпретации подвергается не текст, не язык, а само бытие-в-мире человека. Язык, поскольку он раскрывает истину бытия, является предпосылкой понимания. Именно из языка черпает человек предварительное понимание о бытии, о самом себе. М. Хайдеггер говорит о том, что человек живет в этом мире для того, чтобы этот мир понять, понять свое место в этом мире. И именно в этом смысле понимание предшествует человеку. Инструментом же понимания выступает язык. И здесь мы наблюдаем родство М. Хайдеггера и К. Ясперса, для которого коммуникация также есть не что иное, как способ самопознания, познания экзистенции. М. Хайдеггер понимает историю как текст. Любой текст состоит из предложений, пред-

ложения – из слов. Иначе говоря, для того чтобы понять текст, необходимо знать язык, на котором этот текст создан. Историческое прошлое народа, как и его будущее, настоящее, существует лишь в языковом мире.

Х.Г. Гадамер также утверждает, что прочтение текста возможно только при условии владения языком, на котором этот текст создан. Именно на этом основании можно говорить о том, что языковой континуум является основополагающим в процессе интерпретации. Иначе говоря, отправной точкой постижения истории является язык. Человек постигает историю путем внутреннего переживания. Постигание же происходит на уровне сознания. Сознание по своей сути исторично. Человек рождается с определенными установками («пред-рассудками», «пред-убеждениями»). Говоря другими словами, сознание, а вместе с ним и язык, является доказательством преемственности. Даже субъективное авторское переживание всегда носит отпечаток коллективного. Этот момент в концепции Х. Гадамера опровергает мысль В. Дильтея о том, что интерпретация носит субъективный характер. Выражаясь иначе, Х.Г. Гадамер говорит о том, что не только язык, но и психологическая составляющая познающего субъекта (переживание) является важным элементом понимания. Так мы переходим ко второму основанию.

Человек – является частью текста истории, поэтому он не может познавать ее вне собственных психологических особенностей. У В. Дильтея данная идея выражена намного ярче: «Если в естествознании всякое познание законов возможно только через измеримое и счетное, то в науках о духе каждое абстрактное положение, в конечном счете, должно получить оправдание через связь с духовной жизненностью, как она дана в переживании и понимании» [1, с. 86]. Для него понимание есть психологическая интроспекция. Всемирная история – это история духа, потому как история имеет дело с людьми, наделенными душой. Человек понимает себя и свое предназначение только в контексте истории. Герменевтика – это

метод гуманитарного познания, и именно поэтому для осмысления истории необходим психологический подход. Суть понимания, по мнению автора, составляет психологическое проникновение в мир человеческой души. Для него важно понять не «почему произошло событие», а «почему кто-либо повернул ситуацию так, чтобы это событие свершилось».

К. Ясперс также отмечает роль психологической составляющей в процессе познания истории. Он пишет: «Не каузальное понимание истории, а истолкование ее смысла в процессе осмысления людьми «самих себя», своего изменчивого исторического существования – вот путь, ведущий к постижению истории... Смысл нашей собственной жизни определяется тем, как мы определяем свое место в рамках целого, как мы обретаем в нем основы истории и цель» [5, с. 271]. Так же, как и В. Дильтея, К. Ясперс говорит о двух основных моментах понимания – это переживание и истолкование (понимание). Критики в психологизме постижения истории видели существенный минус. Дело в том, что знание, полученное таким методом, не может претендовать на научную истину, потому как носит субъективный характер. Так, например, может существовать огромное количество интерпретаций, объясняющих, почему Ф.М. Достоевский написал роман «Идиот», что его к этому подтолкнуло. Историк обладает свободой интерпретации, но данная интерпретация не является единственно возможной и правильной, исключая возможные альтернативы.

Д. Коллингвуд выделяет иной принцип понимания, в качестве которого выступает воображение. Пережить то, что было тысячу лет назад, невозможно. Он пишет: «Мы никогда не узнаем, как пахли цветы в садах Эпикура или что чувствовал Ницше в горах, овеваемый ветром, мы не можем воскресить триумф Архимеда или горечь поражения Мария...» [2, с. 209]. В данном случае основным орудием в руках историка являются определенный набор фактов и способность историка все это вообразить.

Говорить об этих трех компонентах интерпретации всемирной истории в отрыве друг от друга не совсем корректно. Ведь по большому счету человек, для того чтобы интерпретировать, всегда обращается к языку, всегда его интерпретация соотносится с его переживаниями и всегда ряд моментов интерпретатор додумывает, основываясь на своем воображении. В любом случае все эти компоненты являются атрибутом познающего субъекта (интерпретатора). Однако, бесспорно, язык является важнейшим элементом в данной цепи: и психологические особенности интерпретатора, и его воображенные реализуются в нем.

Для того чтобы понять историю и объяснить ее, интерпретатор должен увидеть целостность исторического процесса. И в данном случае сложно обойтись без метафизики. Так, М. Хайдеггер пишет: «...Метафизика есть вопрошание, с которым мы пытаемся охватить своими вопросами совокупное целое сущего и спрашиваем о нем так, что сами, спрашивающие, оказываемся поставлены под вопрос... Метафизическая мысль есть мышление охватывающими понятиями в этом двояком значении: мысль, нацеленная на целое и захватывающая экзистенцию» [4, с. 118].

Далее стоит разобраться, кто должен постигать текст всемирной истории. Для Х.Г. Гадамера, В. Дильтея, М. Хайдеггера – это в первую очередь историк. А вот Д. Коллингвуд утверждает, что история принадлежит каждому человеку в качестве элемента его сознания, и он открывает ее у себя, как только начинает осознавать, что значит мыслить. Его поддерживает К. Ясперс, утверждающий, что каждый человек историчен, т. к. содержит в своем сознании идею истории, без которой было бы невозможно адекватное соотношение человека с окружающим миром.

Несмотря на то, что субъект исторического познания у данных мыслителей различается, стоит отметить одно существенное сходство, являющееся отличительным признаком герменевтического направления. Все назван-

ные философы отводят значительную роль существованию традиции в понимании текста всемирной истории. Так, М. Хайдеггер пишет, что история человечества складывается не из событий, а из попытки историка понять и объяснить эти события. Каждое новое поколение, сохраняя преемственность, несет в себе эту гносеологическую функцию. Х.Г. Гадамер также настаивает на том, что не события составляют всемирную историю, а их понимание, в основе которого лежит феномен исторического сознания. Понимание – процесс коллективный. Несмотря на то, что попытка объяснить то или иное событие совершается одним человеком, он, так или иначе, учитывает весь предшествующий опыт. При попытке объяснения исторического события человек должен иметь представление о всемирной истории в целом, для того чтобы адекватно соотносить часть и целое. Таким образом, всемирная история складывается из преемственных попыток ее постижения. В. Дильтей указывает на то, что мировоззрение человека накладывает существенный отпечаток на интерпретацию. Мировоззрение же включает в себя ценности, нормы, жизненные ориентиры, формирующиеся на протяжении многих сотен лет. Р. Коллингвуд считает, что историческое познание есть мысль, но любая мысль не является единичной, она всегда включена в определенный контекст, где мысли взаимодействуют друг с другом. К. Ясперс говорит о субъективном понимании истории каждым человеком отдельно, но поскольку все люди стремятся к объединению, непрерывно коммуницируют друг с другом, можно говорить о преемственности. Иначе говоря, интерпретируя историю, мы всегда учитываем предшествующий опыт (Гаспаров).

Теперь обратимся непосредственно к пониманию конца всемирной истории. Поскольку история представляет собой социокультурный текст, требующий прочтения и понимания, то, соответственно, с прочтением и пониманием данного текста история закончится. Возникает вопрос, а возможно ли исчерпывающее понимание данного тек-

ста? И в данном случае мы не можем дать единогласный ответ. В. Дильтей полагает, что текст всемирной истории может и должен быть прочитан. С чем связана такая уверенность? Он утверждает, что «жизнь... по своему материалу составляет одно с историей. История – всего лишь жизнь, рассматриваемая с точки зрения целостного человечества...» [6, с. 256]. Человек изначально находится в мире сущего, испытывает интерес к нему. Однако вещи закрыты от человека, у них есть свои границы. С другой стороны, свои границы есть и у каждого человека. Понимание и прочтение текста будет достигнуто, если удастся добиться слияния границ вещи и человека. Возможно ли это слияние? Да, если человек – познающий субъект сможет проникнуть в мир переживаний другого человека. Возникает другой вопрос: познавая жизнь другого человека, действительно ли мы познаем историю в ее целостности? Мы полагаем, что это познание лишь малой толики всемирной истории. Ведь сам В. Дильтей говорит о том, что история слагается из жизней человечества. И только постигнув все их вкуче, мы можем говорить о целостном постижении истории. Уместно ли здесь применение полной индукции? Таким образом, говоря о прочтении всемирной истории в ее целостности, В. Дильтей все-таки рассуждает о постижении ее частей.

Почему невозможно охватить всю историю? На этот вопрос отвечает М. Хайдеггер: «Если теперь человек становится первым и исключительным субъектом, то это значит: он делается тем сущим, на которое в роде своего бытия и в виде своей истины опирается все сущее. Человек становится точкой отсчета для сущего как такового» [3, с. 47]. Каждый человек со своей психологией, со своим воображением в определенный исторический момент будет прочитывать текст истории по-разному. Интерпретация одного историка будет опровергнута интерпретацией другого. Этот процесс бесконечен. Именно на этом основании мы приходим к выводу, что текст всемирной истории в ее

целостности не может быть прочитан. Иначе говоря, до тех пор, пока будет существовать человек, будет происходить познание истории, ее интерпретация. И в этом случае мы сможем сказать о конце истории только в том случае, если мир постигнет вселенская катастрофа, уничтожившая человечество, однако это выходит за рамки герменевтического понимания конца всемирной истории (К. Ясперс).

Ограниченность человека в постижении всемирной истории также можно объяснить включенностью интерпретатора в определенную культуру. Любой познающий субъект ограничен ею. Об этом наиболее ярко высказывался О. Шпенглер, правда, собственным примером он же этот факт и опроверг.

Стоит отметить, что в рамках герменевтической версии мы наблюдаем некую нестабильность. Ряд философов, фундаментально придерживаясь гносеологической позиции, также рассматривают историю с онтологической точки зрения. Особенно отчетливо это явление прослеживается в концепции К. Ясперса. Его учение о конце истории укладывается в метафизическое направление онтологического ракурса, иначе говоря, конец истории он ассоциирует с единением человечества в божестве. Однако же попытки объяснить конец истории с позиции герменевтики тоже присутствуют. Х.Г. Гадамер, В. Дильтей, Р.Д. Коллингвуд, М. Хайдеггер пытаются объяснить механизмы понимания истории со стороны, анализируя существующие концепции. Однако такой взгляд кажется нам не совсем корректным. К. Ясперс же очертил сам всемирно-исторический процесс, а затем попытался объяснить механизмы этого описания. Он рассуждал о том, к чему имел не косвенное отношение. Именно этот факт позволяет нам говорить о том, что его концепция более обоснованна, нежели другие.

Итак, конец истории в герменевтической версии мыслится как исчерпывающее прочтение и понимание текста всемирной истории. Однако к отсутствию новых интерпре-

таций исторических фактов может привести только космическая катастрофа, в противном случае попытки интерпретации будут иметь место быть. Таким образом, получается, что конец истории представляет собой феномен сугубо гипотетический. В качестве

наиболее важной черты герменевтической версии стоит отметить преемственность в интерпретации данного текста: человек, пытаясь проникнуть в суть всемирной истории, всегда будет прибегать к предшествующему опыту, заложенному в языке и сознании.

Список использованной литературы:

1. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. Сб. 1. – СПб., 1992.
2. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. – М., 1980.
3. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. – 1989. – №9. – С. 116–122.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1994.
6. Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. V. Goettingen. 1982.

Статья рекомендована к публикации 09.02.07